

Пётр Николаевич Краснов

За чертополохом

Что имеем -- не храним,

Потерявши -- плачем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Был первый час ночи. Музыкальные куранты на колокольне Gedachtniss-Kirche только что пробили ночную молитву, и в затихшем прохладном воздухе она звучала внушительно и трогала сердце. Трамваи уже не ходили, и редок был гул подземной дороги. Прохожих было мало. Они быстро сворачивали с широкого Kurfurstendamm'a в тенистые боковые улицы и исчезали под развесистыми каштанами UhlandstraBe, Fasanenstrabe и других тихих улиц. Строгий демократический Polizeistunde (Комендантский час (нем.)) давно пробил, и все увеселения Берлина закончились. Гасли одно за другим окна в громадных каменных домах. Лишь кое-где из таинственных Nachtlokal'eй (Ночных ресторанов (нем.)) пробивался сквозь ставни узкой полоской свет, и слышались звуки пианино, флейты и скрипки -- играли все тот же чарльстоун. Из пятого этажа, из открытого темного окна, томно звенела мандолина, и чей-то женский голос негромко пел сладкую немецкую песенку. Тихая июльская ночь стояла над городом.

В эту ночь Петр Коренев, молодой художник, позвонил у величественного мраморного подъезда на Uhlandstrabe в том ее месте, где она узкой улочкой, совершенно заросшей деревьями, образующими зеленый свод, подходит к Kantstrabe.

Швейцариха долго не отворяла. Он позвонил еще раз. Она высунулась в маленькое окошечко и сердитым сонным голосом спросила: "Вы к кому?"

-- К доктору Карлу Клейсту, -- твердо выговорил молодой человек.

-- Доктор спит, -- сказала швейцариха.

-- Может быть, может быть, -- проговорил настойчиво художник, -- но мне его все-таки нужно сейчас видеть.

При свете недалекого уличного фонаря он был весь виден. Небольшая красивая голова с тонкими чертами лица, с копной волос, по тогдашней моде без шляпы, просторная белая блуза с большим отложным воротником, открытой шеей и грудью, подхваченная широким поясом из эластичной полосатой материи, и черные штаны не внушали доверия швейцарихе, но она узнала посетителя. Действительно, этот молодой человек часто бывал у доктора Клейста. Она скрылась в окно. Сейчас же хрипло запищала дверь, давая знать, что замок снят. Коренев надавил на нее и вошел в темные сени. Проклятая старуха не потрудилась дать ему света, и он стал нащупывать по стенам знакомую кнопку.

Доктор Клейст жил на четвертом этаже. Коренев поднимался медленно. Чем ближе подходил он к двери, тем больше его охватывала нерешительность.

"Прав ли я, -- думал он, -- беспокоить господина Клейста в такой поздний час? Разве нельзя подождать до завтра?"

Он остановился перед высокой дубовой дверью, покрытой лаком и почему-то напомнившей ему крышку тяжелого немецкого гроба.

"Нет, не могу, -- подумал он, -- на этот раз я слишком уверен, что это так и было. Я не могу вернуться домой, я не могу спать, я должен решиться и начать действовать. Там -- правда! Родина есть. Она зовет меня!"

Коренев приподнял бронзовый рычажок звонка, и сейчас же за дверью навязчиво-тревожно, будя ночную тишину, задребезжал электрический звонок.

Доктор Клейст не спал. Послышались его широкие тяжелые шаги, и хриплый бас сдержанно спросил:

-- Кто там?

-- Это я, Петр Коренев, по неотложному делу. Дверь сейчас же открылась, и в полумраке прихожей показалась высокая полная фигура доктора Карла Клейста.

Ему было за семьдесят. Громадная голова с точеными резкими энергичными чертами лица была покрыта гривой седых волос, чуть вьющимися прядями спускавшихся к плечам. Большое, желтое, точно